

В. В. Селивановский

СЦИЕНТИСТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЕРОУЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ ВЕРЫ

Вопрос соотношения науки и религии как двух глобальных сфер человеческого знания занимает существенное место в философской традиции. Уже поверхностное знакомство с этой традицией говорит о глубокой онтологической и эпистемологической разделенности науки и религии, как с точки зрения предмета — естественное — сверхъестественное, так и методологии — экспериментально-доказательный метод — вера. Впрочем, когда речь идет об оккультном мировоззрении, наблюдается попытка гибридизации науки и религии. Оккультное мировоззрение лежит в русле сциентистского представления о безграничности применения научного метода ко всем областям знания.

Оккультизм претендует, в том числе, на экспериментальную доступность той сферы, которую религия определяет как сверхъестественную, пытается приложить научный метод и инструментарий к познанию духовной субстанции. С одной стороны, оккультизм не является наукой, будучи не в силах подтвердить свои претензии методом экспериментальной проверки. Вместо этого он заимствует у религии метод веры. Вера в возможность экспериментального доказательства порождает особого рода миф.

С другой стороны, оккультизм не может быть определен и как религия, благодаря нивелированию понятия «сверхъестественное», традиционно рассматриваемому в качестве критерия религии. По мнению некоторых исследователей, только теистическая религия может быть в строгом смысле названа религией как таковой. Когда же в лоне самой теистической религии обнаруживаются элементы сциентизма, квазинаучная терминология и мимикрия под науку, это заслуживает специального исследования.

Что стоит за феноменом сциентизма в теистической религии: культурное влияние позитивизма, модная спекуляция и стремление к социальной респектабельности религии? Или же это рудимент архаического мифологического сознания, не разделяющего естественное и сверхъестественное, а может быть некая глубинная потребность в научности или квазинаучности?

Характерный сциентистский элемент вероучения можно обнаружить в неопятидесятническом Движении Веры (известном также под названием «Слово Веры» («Word of Faith») или «Позитивное Исповедание» («Positive Confession»)). Движение

Веры выросло из послевоенного «движения исцеления верой» во второй половине XX в. и считается доминирующим направлением современного харизматического движения. «Вера создает реальность», — таков лейтмотив религиозной доктрины Движения Веры. Его основателем считают К. Хейгина (1917–2003), воспитавшего плеяду учеников-телепроповедников: К. Коупленда, Ч. Кеппса, Ф. Прайса и др. Стронниками Движения Веры являются также владельцы «Широковещательной Сети Троицы» — TBN, девятой по своему размаху телекомпании США. Наиболее яркими представителями Движения Веры на постсоветском пространстве стали лидер «Нового поколения» рижский проповедник А. Ледяев и афро-украинский пастор «Посольства Божьего» в Киеве, нигериец С. Аделаджа.

Высказывания учителей Движения Веры, страницы и заглавия их трудов насыщены квазинаучной терминологией: К. Хейгин «Закон Веры», «Закон веры» как одна из глав книги П. Йонгги Чо «Четвертое измерение». Основатель Движения Веры К. Хейгин утверждает: «В духовном царстве Бог установил определенные законы, так же, как Он установил законы в природном царстве. Эти законы работают в царстве природы, не так ли? Когда Вы входите в контакт с этими естественными законами или применяете их на практике, они работают на Вас. То же самое верно и для духовной области. Я пришел к выводу, что **закон веры** — духовный закон, что Бог привел этот закон в движение, и как только Вы соприкасаетесь с ним, он работает на Вас»¹. А. Ледяев, пастор неопятидесятнической церкви «Новое поколение», подытоживает общую сциентистскую установку Движения Веры: «**Вера — это наука, которая открывает объективные духовные законы**, они изначально существуют в мире, потому что Бог их сотворил ... Сначала крещение духовное, потом водное крещение, говорение на языках — все научно»².

Итак, по мнению лидеров Движения Веры, вера — это наука, «вера — некоторый закон, некоторый неприкосновенный, неизменный, безличный закон, который похож на силу тяжести», — пишет исследователь харизматического движения Макартур³.

Для объяснения подобной сциентистской интенции религиозного сознания попробуем обратиться к генеалогии Движения Веры. Движение Веры и более ранние его евангелические формы возникли как попытка дать христианский ответ Новому Мышлению и «Христианской науке», популярным целительским культам Америки конца XIX — начала XX в., известным также под названием «метафизическое движение». Теология Движения Веры, выросшая на идеях баптистского проповедника Э. Кеньона, попыталась ассимилировать ряд базовых положений «метафизического» учения, а вместе с ними, возможно, и его сциентистскую окраску.

Новое Мышление утверждало, что здоровье и процветание человека находятся во власти его мышления, не опосредованного деятельностью, а непосредственно формирующего адекватную реальность. «Что вы думаете о себе, то вы и есть», — заявляли учителя-«метафизики» Ф. Куимби, У. Эванс, М. Эдди, Р. Трайн, Г. Дрессер, Э. Холмс, Ч. Филмор, Э. Хопкинс, Н. Брукс и др. Это учение, выросшее на идеях американского трансцендентализма и сведенборгианства, рассматривало реальность сформированной

¹ McConnell D. R. Different Gospel. A Historical and Biblical Analysis of the Modern Faith Movement.— Peabody, Massachusetts, 1992.— P. 136.

² Видеопроповеди. Телепередача «Гольфстрим». А. Ледяев, А. Кариев. «Для чего существует церковь? Вера или Религия?»

³ MacArthur J. F., Jr. Charismatic Chaos. 1991. Ch. 13.

нашим мышлением сначала на духовном плане, а потом становящейся реальностью, которую мы встречаем на своем жизненном пути. Мимикрия под форму науки отражается уже в самих названиях метафизических организаций: «Христианская наука», «Религиозная наука», «Божественная наука», «Наука здоровья» и т. д. Феномен «научных религий» не ограничивался названием, но выражал фундаментальную интенцию сознания.

Определенную лепту в сциентистский настрой метафизического движения внесла философия американского прагматизма. Санкционированная им ценность религиозного опыта получила в «научных религиях» дополнительный смысл. Эффективный результат — исцеление от болезни или избавление от бедности, достигнутые практикой «позитивного мышления», воспринимались как научно-экспериментальный метод доказательства религиозной теории. Тот факт, что «это работает», пускай и вопреки ортодоксальной догматике, становилось в глазах «новых мыслителей» как бы «научным» подтверждением силы и закона творящей мысли.

Сциентистский настрой «новых мыслителей» отразился также в попытке нивелировать понятие «сверхъестественное», которого авторы-«метафизики» либо избегали, либо с которым прямо полемизировали. Например, лидер «Христианской школы единства» Ч. Филмор оптимистически прогнозировал, что в недалеком будущем **«научно продемонстрируют существование души и способ ее управления материей»**⁴.

Если обратиться к гносеологическому аспекту учения Нового Мышления и Движения Веры, то можно обнаружить интенцию, прямо противоположную научной рациональности. Одинаковая для обоих движений практика «позитивного мышления» предлагает отвергнуть все противоречащие нашей вере обстоятельства, верить вопреки обманчивой очевидности. Позитивные утверждения (аффирмации) здоровья часто сопровождаются призывом игнорировать симптомы заболевания. «Это означает упорную и твердую решимость думать то, что мы хотим думать, пренебрегая кажущейся очевидностью взглядов, противоположных нашим. Мы смотрим не на очевидное, а на скрытое», — писал лидер «Религиозной науки» Э. Холмс⁵. Эта эпистемология была подробно разработана предшественником Движения Веры, баптистским проповедником Э. Кеньоном в его работе «Два вида познания»: «...человеческий дух должен поработить физические чувства, потому что «Бог не может общаться с Вами через Чувства», но «Он может общаться с Вашим духом».

Движение Веры исходит из предпосылки, что вся окружающая действительность аморфна и пластична, это податливая реальность, готовая сверхъестественно измениться под воздействием «слова веры». Кажущаяся враждебность обстоятельств может означать лишь помеху на пути «позитивного исповедания». Эмпирическая очевидность в принципе не может быть принята в расчет, поскольку считается всецело сформированной собственной верой на духовном плане. Это ведет к абсолютному фидеизму и антирационализму.

Параллельно с представлением о «естественном законе», в «метафизическом» учении присутствует еще одна смысловая константа. Это безличная сила божественного Мышления, соприродная мысленной деятельности самого человека. Например, «метафизический» автор, лидер «Религиозной науки» Э. Холмс утверждает: «Каждый раз, когда мы используем наш собственный разум, **мы используем творящую силу**

⁴ Judah J. Stillson. The History and Philosophy of the Metaphysical Movements in America.— Philadelphia, 1967.— P. 238.

⁵ Безант А. Сила мысли, Холмс Э. Сила разума.— М., 2007.— С. 187.

Всеобщего Разума». Он тут же добавляет, что эта Сила «действует через нас **в соответствии с Законом**»⁶. «Сила» и «Закон» оказываются связаны в неразрывном смысловом единстве. Поскольку субстратом того и другого выступает безличное Божество — Мышление или Разум, то сила и закон в доктринах «метафизических» мыслителей фигурируют как взаимозаменяемые атрибуты Божества.

Обратившись теперь к анализу Движения Веры, идейному наследнику метафизического движения, можно обнаружить в его учении общие черты той же концептуальной схемы: сила, подчиненная закону, хотя и в контексте христианской теологии.

В основе религиозного учения Движения Веры лежит понятие творящей веры: «исповедание веры создает реальность»⁷. В отличие от традиционного христианства, где вера служит конвенциональным условием чудотворного вмешательства силы Божьей, вера Движения Веры сама превращается в чудотворную силу. У наставников Движения Веры обнаруживается смысловая инверсия в толковании ряда хорошо известных библейских эпизодов. Например, уже не ангел заградил уста львов в львином рву, а сам Даниил силой своей веры обезопасил себя (Дан. 6), не сила Иисуса Христа исцелила кровоточивую женщину, но женщина исцелилась силой собственной веры (Мк. 5:34). Другими словами, вера обретает силу в акте самой себя. Как выразился рижский проповедник неопятидесятнической церкви «Новое поколение» А. Ледяев: **«Вера — это самообслуживание**. Нечего ждать у моря погоды. Никто не поможет, если сам себе не поможешь. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих»⁸.

Личное присутствие Бога не обязательно, фигура Христа выступает в качестве необходимого аксессуара, но не причины чуда. С не меньшим успехом кровоточивая женщина могла бы прикоснуться к камню или дереву, если бы верила, что подобное прикосновение исцелит ее, ведь исцеляющая сила заключена в ее собственной вере, а не в Боге. В этом случае Бог, по замечанию критика Д. Ханта, превращается в вариант «плацебо» — суррогат лекарственного средства, возбуждающий в пациенте веру в исцеление.

«Вера — это духовная сила, духовная энергия, духовная мощь. Именно благодаря силе веры действуют законы духовного мира», — утверждает популярный лидер Движения Веры К. Коупленд. В теологии К. Коупленда Бог не является распорядителем чудотворной силы веры, хотя формально называется ее источником: «Эта сила происходит от Бога, от Его безграничного сердца»⁹. Имманентная человеку чудотворная сила веры имеет сакральный источник, но лишена его волевой интенциональности. В терминологии Аристотеля, вера самого человека превращается в формальную причину, во вторую сущность или энтелехию некоего почти материального субстрата — чудотворной силы Бога. Чудотворная сила Бога оторвана от своего формально-личностного волевого начала и ее подлинным хозяином или субъектом оказывается сам человек.

Человек превращается в демиурга, устроителя бесформенной «материи» чудотворной силы Бога. Одновременно мир создан уже не из «ничто», а из совечной Богу субстанции — силы Его веры. Подобное субстанциальное, буквально вещественное

⁶ Braden Ch. S. *Spirits in Rebellion. The Rise and Development of New Thought.*— Dallas, 1987.— P. 293.

⁷ Хейгин К. Е. *Основы духовного роста.* С. 50.

⁸ Ледяев А. *Выжить, чтобы жить.*— М., 2000.— С. 135.

⁹ Hanegraaff H. *Christianity in Crisis.*— Eugene, Oregon, 1993.— P. 65.

понимание силы веры встречается у многих учителей Движения Веры. Например, проповедник Дж. Савелль утверждает: «Сырьем или веществом, которое Бог использовал, чтобы создать этот мир, была Его вера и Его Слово»¹⁰.

Представление о безличной силе естественным образом сопряжено с понятием закона, подобно тому, как сила тяжести предполагает существование закона всемирного тяготения. Движение Веры, как и метафизическое движение, обнаруживает ту же склонность к представлению веры в качестве естественного закона. Подобно «новым мыслителям», лидеры Движения Веры «... учат, что вера — некоторый закон, некоторый неприкосновенный, неизменный, безличный закон, который похож на силу тяжести»¹¹.

О каком именно «Законе» идет речь у авторов Движения Веры? Обращаясь к механизму «позитивного исповедания», лидеры Движения Веры видят в его основе закон симпатического подобия. **«Подобное привлекает подобное, подобное производит подобное.** Если вас одолевает страх, у сатаны в таком случае имеется свободный канал, через который он может проникнуть к вам и поразить вас. Страх — это отрицательная вера», — заявляет корейский лидер Движения Веры П. Йонгги Чо¹². Принцип симпатического подобия скорее имеет отношение к магии, но не к науке. Проверить «закон позитивного мышления» как научную гипотезу невозможно. Если «позитивное мышление» привлекло ожидаемый результат, закон «сработал». Если получен отрицательный результат, то «вы, должно быть, думали что-то такое, что привело к неудаче. Возможно, вы думали, что неудача может прийти, или каким-нибудь другим путем дали ей войти в ваш разум»¹³. «Закон» вновь «работает». Невозможно построить эксперимент, который мог бы в принципе его опровергнуть, а значит «закон» симпатического влияния веры не удовлетворяет критерию фальсифицируемости К. Поппера.

При анализе учения Движения Веры следует придерживаться того же методологического подхода, что и для Нового Мышления. Оба прагматически ориентированных учения исходят из априорной ценности и самоочевидной достоверности практики, которая рассматривается участниками движения в качестве «научного» доказательства. Теоретическая часть выполняет скорее служебную функцию обоснования конкретной практики.

Практика Движения Веры позволяет человеку осуществить любое желание посредством «творящей веры». По утверждению К. Хейгина: **«Если вы можете верить, что получите десять миллионов нефтяных скважин, вы их получите»**¹⁴. Чтобы любое желание осуществилось, волевое всемогущество верующего должно нивелировать прочих субъектов воли, которые способны воспрепятствовать его желанию. Человек должен остаться единственным волящим субъектом, единственным игроком на онтологическом поле.

Промысел, то есть активная деятельная воля Творца, может воспрепятствовать человеческому желанию. «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои,

¹⁰ Ibid. P. 68.

¹¹ MacArthur J. E., Jr. Charismatic Chaos. Ch. 13.

¹² Йонгги Чо Д. Четвертое измерение. Ключ к укреплению веры и к успешной жизни. — Киев, 2001. — С. 143.

¹³ Холмс Э. Сила разума. С. 170.

¹⁴ Хейгин К. Е. Основы духовного роста. С. 171.

говорит Господь» (Ис. 55:8). Поэтому теология Движения Веры пытается устранить провиденциальность традиционного христианства через разделение личности Творца и Его чудотворной силы. Личность Бога отделена деистической завесой. Бог «добровольно» устранился от дел, предоставив миру жить по духовным законам. Деистическая модернизация теологии удобно устраняет имманентное присутствие актуальной личностной воли Бога — промысел.

С другой стороны, декларируемая творящая способность человеческой веры нуждается в своем обосновании, требует имманентного присутствия силы Бога. Эта чудотворная сила формально приписывается Богу, но лишена провиденциальной способности, обезличена, очищена от волевого присутствия Творца. Такой силой, подчиненной «закону веры», человек может управлять по собственному желанию. «Творящая Сила Бога Будет Работать на Тебя», — так называется популярный буклет Ч. Кеппса. Бог Движения Веры приобретает черты зависимого и услужливого Божества «метафизического» учения.

Мы «активизируем» Бога нашим «позитивным исповеданием», «развязываем Ему руки», «позволяем» действовать. Бог не может нам отказать, когда мы следуем инструкции — Его Слову, т. е. Библии. **«Бог обязан будет удовлетворить ваши потребности согласно Его Слову... Если вы прочно утверждены в нем, ваши нужды будут удовлетворены»,** — утверждает К. Коупленд¹⁵.

У ряда исследователей Движения Веры (Х. Ханеграаф, Дж. Макартур, Р. М. Боумэн) само собой напрашиваются магические аллюзии, а Д. Макконнелл прямо заявляет: «Любая попытка ... управлять или манипулировать сверхъестественной силой, таким образом подчиняя волю Божью нашей, является магией или колдовством»¹⁶. Подобное обвинение в адрес Движения Веры не кажется вовсе беспочвенным. Например, религиовед и культуролог М. Мосс рассматривал в качестве примата магического сознания идею абстрактной безличной силы — «маны», как фундаментальной подосновы чудесных явлений. Вместе с тем, М. Мосс указывал на симпатический принцип как на ключевой в концептуальной схеме магии, называя его «дорогой, которой следует магическая сила»¹⁷. Идею подобной безличной «силы веры», отделенной от личности Бога, но подчиненной симпатическому принципу, мы обнаруживаем в Движении Веры.

Дж. Фрэзер во введении к «Золотой ветви» говорит о близости магии жесткому научному алгоритму, и начинает свое исследование со сходства магии и науки. Некая квазинаучность, то есть жесткий порядок действий, алгоритм, принцип, или закон, оказывается органически, исконно присущ магическому сознанию. Подобную же потребность в «законе» обнаруживает и Движение Веры. «Закон веры» призван «работать на Вас», заставить «Творящую Силу Бога ... Работать на Тебя» и т. д.

Этот повелительный характер обращения к высшей силе также можно выделить в качестве черты типологического сходства учения Движения Веры с магией. В частности, Дж. Фрэзер утверждал, что магия «принуждает и заставляет» высшие силы, «вместо того чтобы, подобно религии, умилоустивлять и умиротворять их»¹⁸.

¹⁵ McConnell D. R. Different Gospel. P. 173.

¹⁶ Ibid. P. 144.

¹⁷ Мосс М. Социальные функции священного.— СПб., 2000.— С. 189.

¹⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь.— М., 1980.— С. 64.

Подводя итог краткому анализу вероучения неопятидесятнического Движения Веры, можно сделать следующие выводы. Сциентистский аспект вероучения Движения Веры имеет генеалогическое родство с более ранним религиозным движением — метафизическим движением или Новым Мышлением. Сциентизм самого Нового Мышления отчасти обусловлен влиянием философии американского прагматизма, придавшего ценность религиозному опыту. Эффективность религиозной практики имела для участников движения методологическое значение научного доказательства. Поэтому доктринальная часть учения, призванная обосновать религиозную практику, оказалась насыщена квазинаучной терминологией.

Тем не менее, наукообразность религиозного учения Движения Веры и Нового Мышления остается всего лишь сциентистским флёром, идеологической спекуляцией, поскольку в области гносеологии оба учения выражают крайний фидеизм и отрицание чувственного опыта, что далеко отстоит от научной рациональности как таковой.

Вместе с тем, квазинаучный элемент необходимо присущ учению Движения Веры. Решающим фактором, привнесшим сциентистскую окраску учения Движения Веры, является магический мотив. Квазинаучный элемент учения исходит из глубинной потребности обоснования практики «творящей веры», воплощающей человеческие желания. Наделение веры человека чудотворной силой, пантеистическое слияние ее с силой Божества и одновременное обезличивание необходимо дополняются категорией симпатического «закона веры», подчиняющего эту силу, делающего управляемой, доступной человеческой манипуляции, гарантирующего успех магической практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безант А. Сила мысли, Холмс Э. Сила разума.— М., 2007.
2. Боумэн Р. М. Движение Веры. Испытание здоровьем и преуспеванием.— СПб., 2007.
3. Йонгги Чо Д. Четвертое измерение. Ключ к укреплению веры и к успешной жизни.— Киев, 2001.
4. Ледаев А. Выжить, чтобы жить.— М., 2000.
5. Мосс М. Социальные функции священного.— СПб., 2000.
6. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь.— М., 1980.
7. Хейгин К. Е. Основы духовного роста.— Минск, 1993.
8. Braden Ch. S. Spirits in Rebellion. The Rise and Development of New Thought.— Dallas, 1987.
9. Hanegraaff H. Christianity in Crisis.— Eugene, Oregon, 1993.
10. Hunt D., McMahon T. A. Seduction of Christianity: Spiritual Discernment in the Last Days.— Eugene, Oregon, 1985.
11. Judah J. Stillson. The History and Philosophy of the Metaphysical Movements in America.— Philadelphia, 1967.
12. MacArthur J. F., Jr. Charismatic Chaos. 1991.
13. URL: <http://www.biblebb.com/files/MAC/CHAOS13.HTM>
14. URL: <http://www.biblebb.com/files/MAC/CHAOS12.HTM>
15. McConnell D. R. Different Gospel. A Historical and Biblical Analysis of the Modern Faith Movement.— Peabody, Massachusetts, 1992.